

Наблюдаются следующие семантические оппозиции:

– времени (солнце, заря как будущее, и наоборот, солнце и заря как символ детства, прошлого);

– пространства (солнце – дорога, солнце – дом, солнце как высокое и недостижимое);

– мира и войны (заря – кровь):

«Саблею небо руби с плеча, // Чтобы заря потекла по ней! // ... Под незрячим солнцем, // В мертвом мерцании лун» [5: 450];

– эмоций (солнце, заря – хорошее, радостное, новое. И в то же время солнце – тревога, мука).

Таким образом, концепт солнце в художественном мире Павла Васильева имеет как традиционное наполнение, получившее отражение в русской языковой картине мира (светило, направление, необходимость, надежда), так и индивидуально-авторское, свойственное только поэзии П. Васильева (вечность, война, женщина, предмет и т.д.).

Список литературы

1. Крылова Н.Ф., Талалова Л.Н. Русские национальные концепты в поэтическом языке П. Васильева // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: Сб. мат. Междунар. научного конгресса 6–10 декабря 2021 г. Ч. I. – М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 38–41.

2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2004.

4. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Том 62. № 1. С. 49–54.

5. Павел Васильев. Подымайся, песня, над судьбою! Рязань, 2001.

6. Поцелуева Н.В. Экспрессема солнце в поэзии П. Васильева // Региональный компонент в творчестве российских и казахстанских писателей 20 века: Мат. Междунар. научно-практ. конф., посвященной дню рождения П. Васильева и Году Казахстана в России. Павлодар, 2003. С. 130–132.

Е.Ю. Муратова

*Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь*

БЕЛОРУССКАЯ ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ

В статье описывается природа Белоруссии сквозь призму творчества русскоязычных белорусских поэтов. Традиционным для белорусской (и русской) поэзии является отождествление картин природы с определенным настроением и состоянием человеческой души, что доказывается поэтическими примерами и их анализом. Специфичным является лексический ряд в русскоязычной белорусской поэзии: такие лексемы, как аист, белое крыло, зубр, васильки воссоздает реликтовый дух белорусской культуры. У большинства русскоязычных белорусских поэтов встречаются белорусские языковые «вкрапления» (криница, веска, шлях).

Ключевые слова: белорусская природа, русскоязычная поэзия Белоруссии, иволга, аист, дуб, озера

BELARUSIAN NATURE IN THE WORKS OF RUSSIAN-SPEAKING BELARUSIAN POETS

The article describes the nature of Belarus through the prism of the creativity of Russian-speaking Belarusian poets. It is traditional for Belarusian (and Russian) poetry to identify pictures of nature with a certain mood and state of the human soul, which is proved by poetic examples and their analysis. The lexical series in the Russian - speaking Belarusian poetry is specific: such tokens as stork, white wing, bison, cornflowers recreate the relic spirit of Belarusian culture. The majority of Russian-speaking Belarusian poets have Belarusian language "inclusions" (krinitza, veska, shlyakh).

Key words: Belarusian nature, Russian-language poetry of Belarus, oriole, stork, oak, lakes

Веками проблемы взаимодействия природы и человеческого общества волнуют писателей, художников, композиторов, в произведениях которых прослеживается единство человека и мира природы, будь то лес, река, поле, животные, птицы. Еще когда-то великий художник Леонардо да Винчи сказал: «В наставницы себе я взял Природу, учительницу всех учителей».

Природа Белоруссии (как и любой другой страны), ее ландшафт, климат, краски сформировали национальный характер, а следовательно, и породили все особенности белорусской национальной культуры. В стихах русскоязычных поэтов Белоруссии мы видим жизнеутверждающую правду природы, ее неиссякаемую мощь, ее неумирающую красоту, порождающую вдохновение, любовь к родине, радость жизни.

Пролетая над родною Белой Русью,
Из заоблачной прекрасной высоты
Восхищенно на рассыпанные бусы
Рек, озер зеркальных заглядишься ты.
Залюбуешься зелеными дубравами,
И полями голубыми: лен цветет,
Изумрудными и шелковыми травами,
В вольном небе тихо тает самолет...

Беларусь моя, птица белая!
Ты любовью извечной щедра!
Я пришла к тебе дочушкой несмелою,
Мое сердце Ты навек в полон взяла. (Т. Краснова-Гусаченко)

Природа Белоруссии удивительно разнообразна красками и формами. В стихах белорусских поэтов мы видим цветы, листья, капли росы, снежинки, сосны; чувствуем запахи трав, ягод, мха; слышим шелест листьев, пение птиц, кваканье лягушек, жужжание стрекоз – все разнообразие красоты у реки или озера, на лугу, среди поля, в лесу.

Особенно ярко любовь к родной природе проявляется в творчестве белорусского поэта Бориса Бележенко. Знакомясь с его стихами, читатель как будто сам идет с поэтом по густому лесу, где алела клюква жарким покрывалом, ястребок летает, тетерев токует, где сосны-призраки – в дреме, в янтарных слезах; прислушивается к пению иволги, извечному стону сосен сонных, отдыхает в прохладном таинстве теней:

Туда! Туда, где глушь да глухари, / где тайны вековые глухомани, / где ни единым звуком не обманет / любое эхо, что не говори... / Мне, страннику лесному, бор, как храм: / колонны сосен, своды крон над ними, / и чье-то неразгаданное имя / на все лады вещает птичий гам...

Среди многих встречающихся в стихах птиц поэт особенно трепетно относится к иволге: 1. Зовет меня иволга... / Вслушиваюсь в зов: / мелодия эта с намеками вроде. / И в самую душу дремучих лесов / невольно меня эта птица уводит. 2. Зовет меня иволга в тайну свою / от зряшных речей и бессмысленных споров... 3. После ливня, в лес вымокший и притихший такой / уведи меня, иволга, поспешу за тобой.

Традиционным для белорусской (и русской) поэзии является отождествление картин природы с определенным настроением и состоянием человеческой души. Например, грусть по ушедшей молодости в строках Т. Красновой-Гусаченко сливается с образом увядающей природы, засыпанными снегом дорогами: Отцвела черемуха, отгремели грозы, / Снегом позасыпало, замело пути... / Где ж вы, наши сладкие молодые грезы? / Не проехать к юности да и не пройти. А иногда природа, человек, любовь двоих представляют собой единый художественный образ:

Мы из осени родом, мой любый,
Спелой ягодой, винной на вкус,
Целовал, обжигал мои губы
У дороги рябиновый куст.

Мы из сини холодного неба,
Опрокинутого глубиной,
Мы из были, которая – небыль,
Все, что знаю, зовется – тобой.

Как словам образ твой обозначить,
Белым облаком, скрывшимся вдаль,
Как ни звука не переиначить,
Чтоб светила нам даже печаль...

В поэтических текстах Т. Красновой-Гусаченко ярко и художественно оригинально передается природа Беларуси в разные времена года. В частности, в стихотворении «Солнцеворот» она несколькими строками передает образы каждого из 12 месяцев года. Приведем из него несколько примеров: **Май:**

Маетворение Божие – / Взрывы салютов зеленой / Нежности в самое сердце...; **Июль:** Земляника на губах / Синий пожар васильков / По ржаному полю; **Август:** Запах медово-яблочных губ. / Звездопад над садом, / Углубление мечты. / Угасание костров; **Декабрь:** Ягоды рябины, / Как капли крови / На забинтованных ранах. / Они горят, / Словно угли, / Но снег не тает / От этого жара.

Белорусские поэты в своих стихах одухотворяют природу: деревья, травы, реки, колосья, васильки наделяются человеческими страстями, им ведомы радость, грусть, горечь разлук, одиночество, боль. Вот, например, как можно почувствовать и описать дуб: Сколько лежит на ветвях твоих зим, / Дуб мой, могучий и древний? / Сколько ты соков корнями испил, / Чтобы шуметь над деревней! / А желудей сколько ты поронял. / Где же дубочки? Не видно... / Видно, их ворон голодный склевал. / Разве тебе не обидно?

Особенно щемяще проникновенным нам кажется ее стихотворение «Дрова», которое, с одной стороны, передает возможные реальные судьбы деревьев, а с другой – это и возможные человеческие судьбы, сколько их сгорело в быту, в собственных ошибках, в войнах и т.д. Позволим привести его полностью: Сосны долго копили силы, / кольца новые – / с каждым годом, / нарастив в себе, возносили / и в погоду, и в непогоду. Украшали собой поляну, / птицам были / уютным домом... / Только стали они – дровами, / и не скажешь ведь подругому... / И рубили их, и ломали, / боль неистово нарастала, / рвали крючьями, изгибали, / и пилили, и разрывали... / И никто не услышал боли, / молча все, / чтоб не выдать стоном / душу, скованную в неволе, / все с надеждой одною: скоро! / Наступает всегда конец! / Боль любая (есть Бог!) – / не вечна... / Восходил за венцом венец / звездным шлейфом – / из старой печи...

Специфичным является лексический ряд в русскоязычной белорусской поэзии. Казалось бы, язык один – русский, но у некоторых лексем проявляются особые смысловые коннотации. В поэтическом тексте, как считает Ю.М. Лотман, любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых. Любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения. Причем усложняется не только количество элементов, но и система их сочетаний. Стихотворение – это «сложно построенный смысл» [1: 38].

Это же подтверждает коллективная монография «Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов»: «Слово белорусского поэта звучит и ведет себя по-особенному. И у русских поэтов встречаются такие лексемы, как аист, белое крыло, зубр, васильки, но традиционно символичное, неразрывно родное, связанное для белоруса с его традициями, историей, семейными легендами – такое восприятие этих реалий возможно только на белорусской земле. В русской культуре аист также имеет неузуальное значение – он символ мира, аист приносит детей, а значит добро и счастье в семью, но по глубинности ощущения этого образа он значительно уступает его восприятию в белорусской культуре, в которой аист и василек – символы Беларуси. Аисты почти не боятся людей: они часто селятся в деревнях и поселках; нередко люди специально создают места (высокие шесты и под.), чтобы аист а поселился именно у них. И если это

происходит, деревня считается оберегаемой этими удивительными птицами... Вера в то, что аист приносит мир и добро людям, идет из глубины веков, из поколения в поколение, эта вера буквально выросла в белорусский менталитет, поэтому и отражение образа аиста в творчестве белорусских поэтов особенно специфично, оно воссоздает реликтовый дух белорусской культуры» [2: 138-139].

Например: Барыней беременной / Куст плывет сиреневый... / Шмель жужжит, и жук ползет, / Все сверкает и поет. / Вот при галстуках в рядах -- / Ласточки на проводах. / Начинается концерт! / Хор! Кузнечиков оркестр! / Каждый скрипку несет, / Заливается-поет... / И на все на это сразу / Смотрит аист зорким глазом, / Стоя на одной ноге, / Сквозь июль весь день-деньской... (Тамара Краснова-Гусаченко).

Другой пример о специфике белорусского менталитета в русскоязычной поэзии: Вот уже и вечер на пороге. / Вот и звезды. Вот и **Млечный Шлях**. / Все проходит. Истина в дороге. / Соль на ранах. Слезы на щеках (Н. Наместников). Использование вместо традиционного, узуального названия Млечный Путь именованное звездного пути с белорусской лексемой Шлях говорит о белорусских корнях поэта, о специфике русскоязычной поэзии в Белоруссии.

Более того, у большинства русскоязычных белорусских поэтов встречаются белорусские языковые «вкрапления»: 1. Ни окошка, ни **колыски**, / в синем небе сиротой / Ковш повис над лунным диском / На веревочке витой. (Т. Краснова-Гусаченко). 2. А помнишь: у **вески** Комоски, / Вдоль старенького большака / тянулись к созвездьям березки, / глядели на мир свысока (Б. Бележенко). 3) Лирический герой Н. Петренко отдает предпочтение не кофе, не чаю, / Не пепси – а чистой воде. / Воды **из криницы**, маняще журчащей. 4. Вот за околицу выйду – пойду, / Свет пронесу по всей жизни, / **Краю мой родный!** / Нигде не найду / Сердцу милее отчизны! 5. Исчезли / все звезды мои с небосвода! / Растаяли, / **зникли**, ушли в синеву! (Т. Краснова -Гусаченко).

Таким образом, русскоязычная поэзия белорусских поэтов насыщена яркими художественными образами природы Белоруссии, в которых отражаются не только природные особенности Белоруссии, но и национальная история и культура, любовь к своей родине, восхищение ее красотой, мощью и величием. Русскоязычная поэзия существенно отличается от поэзии русской из-за особенностей белорусского менталитета, ритма и стиля жизни, используемого материала, в силу чего достигается ее самобытность и неповторимая художественная образность.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
2. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллективная монография / Под ред. В.А. Масловой, М.Вас. Пименовой. Минск: УП «Энциклопедикс», 2017.